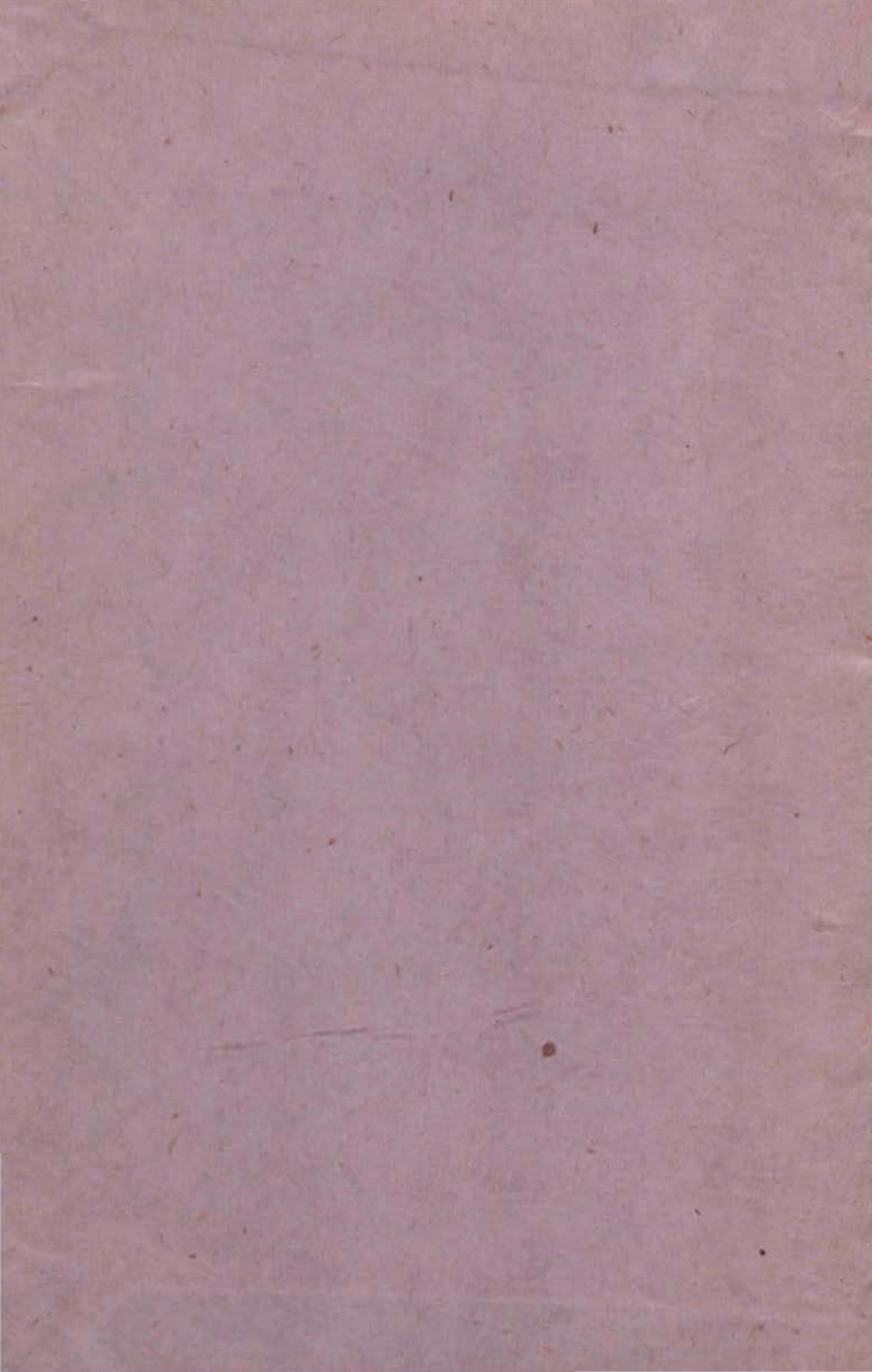
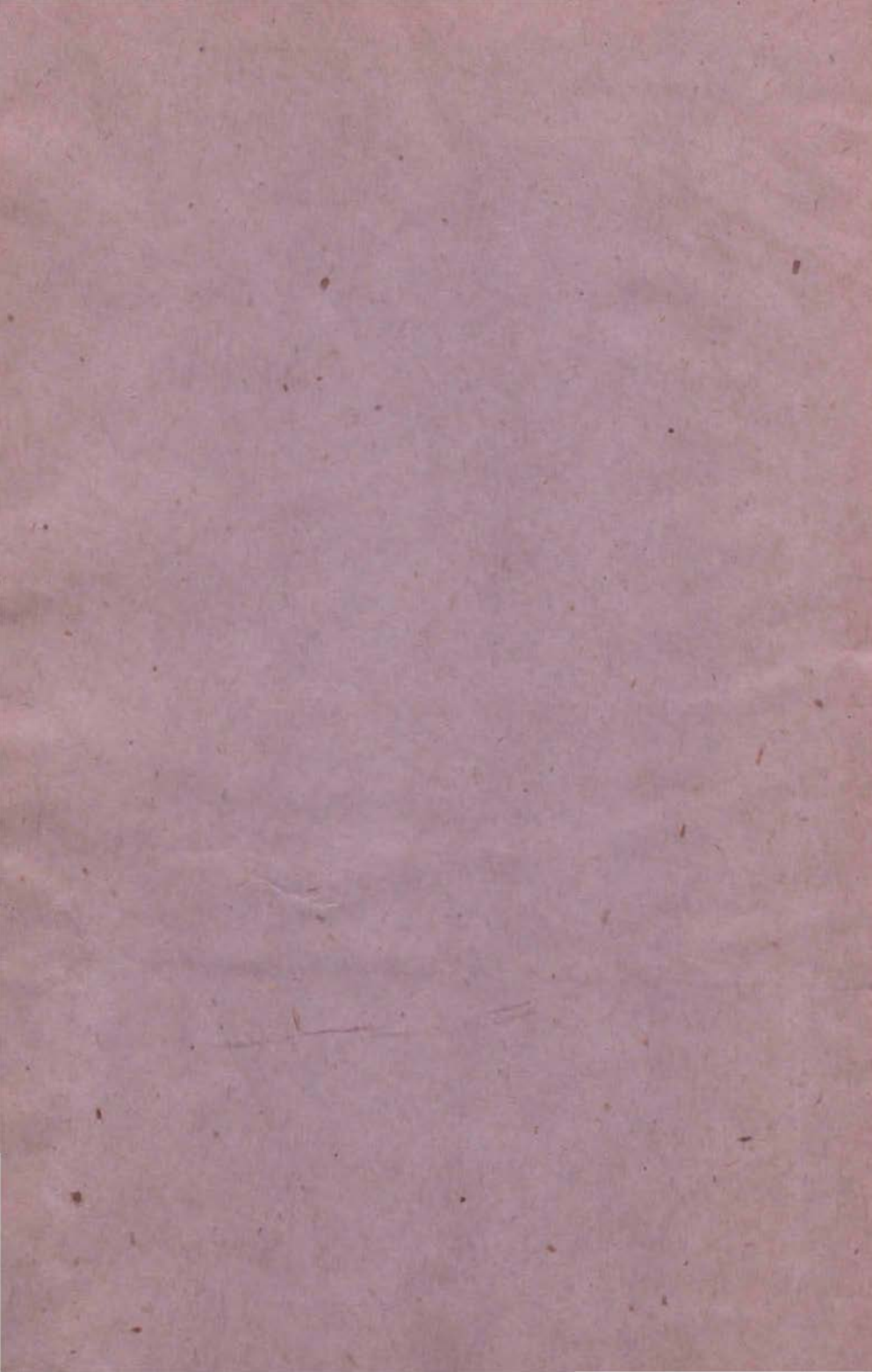

B $\frac{22}{85}$

В $\frac{22}{85}$

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Вступительная лекція

НА

ЖЕНСКИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ

ВЪ ОДЕССѢ.

профессора

М. А. Линниченко.

ОДЕССА.

Типо-Литографія А. ШУЛЬЦЕ, Ланжероновская, № 30.

1903.

53

В $\frac{22}{85}$ А

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

Вступительная лекція

НА

ЖЕНСКИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ КУРСАХЪ
ВЪ ОДЕССѢ.

профессора

М. А. Линниченко.

ОДЕССА.

Типо-литографія Я. ШУЛЬЦЕ, Данжероновская, № 30.

1903.

Дозволено цензурою Одесса, 25 Ноября 1903 г.

15645-39

2007097319

Каждый человекъ переживаетъ большій или меньшій рядъ критическихъ моментовъ. Такими критическими моментами являются событія, опредѣляющія въ той или иной мѣрѣ дальнѣйшій ходъ его дѣятельности. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ моментовъ отдѣльная человеческая личность участвуетъ пассивно, безсознательно, подчиняясь чужой опредѣляющей волѣ, въ другихъ она дѣйствуетъ полусознательно, а нерѣдко и вся жизнь отдѣльнаго лица проходитъ безъ яснаго сознательнаго отношенія къ такимъ моментамъ.

Въ ряду такихъ моментовъ одними изъ важнѣйшихъ конечно являются исходные пункты образовательнаго періода — начало его и выборъ спеціальности, что для многихъ совпадаетъ съ началомъ высшаго образованія.

Начальный періодъ образованія, общій для всѣхъ, или по крайней мѣрѣ для многихъ, такъ какъ въ силу соціальныхъ условій и онъ не для всѣхъ доступенъ, проходитъ въ усвоеніи легчайшихъ и общихъ способовъ ознакомленія съ культурнымъ добыткомъ всего прошлаго—пріобрѣтеніи какъ бы новыхъ органовъ воспріятія—языка и письма, и первой элементарной оріентировкѣ въ окружающихъ насъ явленіяхъ.

Періодъ такъ наз. высшаго образованія въ теоріи предназначенъ для расширенія уже пріобрѣтенныхъ элементарныхъ знаній до уровня ихъ современнаго научнаго состоянія, углубленія въ

нихъ и усвоеніи методовъ самостоятельной творческой работы. Въ дѣйствительности это не такъ. Періодъ высшаго образованія сводится всегда, вслѣдствіе ограниченности способностей человѣка, краткаго періода его существованія, и социальныхъ условій—нужды въ профессиональныхъ дѣятеляхъ — къ одному лишь высшему профессиональному образованію—къ расширенію и углубленію знаній въ ограниченной области опредѣленнаго круга знаній.

На долгомъ протяженіи жизни человѣчества отношеніе его къ знанію не разъ мѣняло свой обликъ, и однако ясное и правильное пониманіе его значенія доступно и теперь немногимъ — часть, и весьма значительная, человѣчества осталась въ своемъ развитіи на томъ уровнѣ, въ какомъ находилось все человѣчество много тысячелѣтій назадъ, въ другой его части еще безсознательно живутъ опредѣлявшія его прошлое міросозерцаніе преданія старины глубокой.

Полная истинной поэзіи и глубокаго философскаго смысла финская легенда говоритъ намъ, что всякій предметъ, кромѣ своего обычнаго названія, имѣетъ еще сокровенное тайное имя, и кто съумѣетъ это имя подслушать, тотъ становится господиномъ предмета, владѣетъ имъ. Смыслъ этой поэтической легенды тотъ, что знаніе сила. Только одно знаніе отличительныхъ свойствъ и качествъ предмета или явленія даетъ силу овладѣть имъ. И вотъ почему и для прежняго человѣка, и для современной темной массы, съ представленіемъ о знаніи всегда соединяется какое то жуткое мистическое чувство, и каждый знахарь и вѣдунъ существо страшное, какъ обладатель знанія —силы могучей, властной и таинственно-непостижимой.

Старый храмъ, заповѣдная роща, островъ посреди бездоннаго озера были для язычника мѣстами таинственными и грозными — тамъ обитали тѣ страшные властные боги, для которыхъ такъ мало значила жизнь отдѣльнаго человѣка, и только немногіе имѣли свободный доступъ и въ таинственные святилища и къ грознымъ богамъ, и эти немногіе своей близостью къ страшнымъ надземнымъ силамъ, своимъ умѣньемъ говорить съ ними, своимъ знаніемъ какъ умолишь неумолимыхъ были такъ же страшны, какъ сами неумолимые простыми смертными боги.

Старые языческіе храмы разрушены, заповѣдныя рощи срублены, глубина таинственныхъ озеръ измѣрена, и на развалинахъ грозныхъ храмовъ съ кровавыми жертвами молебны и искупленія, воздвигнуты храмы новые—свѣтлые, мирные, привѣтливые,—храмы науки. Они открыты, или должны быть открыты, всѣмъ, бѣднымъ и богатымъ, талантамъ и рядовымъ, и въ нихъ приносятъ жертвы и творятся чудеса, но это не прежнія жертвы и не прежнія чудеса. Тамъ приносили въ жертву *чужаго* для искупленія *своего*, здѣсь жертвуютъ *собою* для *всѣхъ*. Такъ каждое чудо было загадкой, и чѣмъ оно было загадочнѣе, тѣмъ таинственнѣе и страшнѣе — здѣсь чудомъ называется *разгадка*, и если на смѣну разгаданныхъ загадокъ, точно изъ тѣла разсѣченнаго богатыря, вырастаютъ все новыя и новыя загадки, онѣ зовутъ насъ къ новымъ чудесамъ, и новые жрецы, какъ древней Антей, въ каждой новой разгадкѣ черпаютъ силу, бодрость духа и вѣру въ благодѣтельную для всѣхъ силу знанія.

И мы, новые жрецы, добровольно сняли съ себя причудливые жреческіе уборы, выходимъ къ вамъ съ ясной и простой рѣчью и на дверяхъ

храма какъ протестантъ Лютеръ вывѣшиваемъ свои тезисы, и въ нихъ честно и открыто объявляемъ вамъ, чего вы можете отъ нихъ ожидать, и что мы вамъ можемъ дать.

И многочисленныя чужія признанья, и опытъ моего собственнаго далекаго прошлаго, говорятъ за то, что вы вступаете къ намъ съ особеннымъ жуткимъ и сладкимъ чувствомъ язычника, допущеннаго къ святилищу, и вы ждете, что мы откроемъ вамъ завѣсу Изиды и покажемъ старыя таинственно-страшныя чудеса и заговоримъ пророчески-загадочнымъ языкомъ Пифии, и все, что вы увидите и услышите будетъ ново, необычно, станетъ волновать вашъ умъ и тревожить воображеніе, вы узнаете разгадку неразгаданнаго вами доселѣ, а эта разгадка будетъ мистически прекрасна, какъ никогда не виданная вами роскошная экзотическая панорама.

И я долженъ разъ навсегда васъ разочаровать. То, что мы вамъ здѣсь скажемъ, будетъ ясно, просто и быть можетъ скучно. То, что мы дѣйствительно знаемъ, укладывается въ простыя, понятныя и лишенныя всякаго мистицизма и таинственности формулы—а мы должны и можемъ передать вамъ только то, что мы знаемъ.

Въ обыденномъ языкѣ есть термины, въ которые каждый, по своему усмотрѣнію, вкладываетъ содержаніе. Таковы термины—образованіе, образованный человѣкъ; я разумѣю здѣсь конечно не официальное, такъ сказать, «дипломатическое» значеніе этихъ терминовъ—аттестаты учебныхъ заведеній, къ сожалѣнію, соответствующъ по своей достовѣрности предсказаніямъ погоды метеорологовъ—формальныя требованія и ведутъ къ формальнымъ результатамъ. Приобрѣтаемые безъ охоты «въ обрѣзъ» обрывки знаній раздѣляютъ участь

старого хлѣба-соли... Я разумѣю здѣсь образованіе въ его внутреннемъ значеніи, какъ терминъ общественный, характеристику.

Этотъ терминъ требуетъ уясненія.

Называя человѣка образованнымъ, высоко образованнымъ, многіе нерѣдко подразумѣваютъ въ такой характеристикѣ бѣльшую или меньшую сумму знаній.

Въ одномъ изъ романовъ Г. Фрейтага выведена дама, импонировавшая провинціальному обществу обширностію своихъ знаній—не было вопроса, по которому она не могла бы дать обстоятельныхъ свѣдѣній. Случайно кто то подарилъ дѣтямъ родственниковъ ученой дамы энциклопедическій словарь, и когда высоко-образованная дама начала однажды одно изъ своихъ длинныхъ поученій, лукавые дѣти однимъ словомъ «и у насъ *тоже* есть энциклопедическій словарь», уничтожили весь ея ученый престижъ.

И еслибы нашелся человѣкъ съ феноменальною памятью, выучившій наизусть обширнѣйшій энциклопедическій словарь — такой *tour de force* не далъ бы ему еще права на почетный титулъ высоко образованнаго человѣка.

«Онъ прекрасный спеціалистъ, но мало образованный человѣкъ», «онъ очень уменъ, хотя и не образованъ», «онъ очень образованъ, хотя и далеко не уменъ».—Эти, и подобныя имъ, выраженія убѣдительно доказываютъ неясность представленія о сущности образованія. Ясно одно, что извѣстный условный кругъ *общихъ* свѣдѣній считается *conditio sine qua non*, существеннымъ элементомъ понятія образованія,— а ограниченный кругъ спеціальныхъ свѣдѣній недостаточнымъ для ходячаго патента на званіе образованнаго человѣка.

Вопросъ однако значительно сложнее. Образовывать какое нибудь изъ прирожденныхъ свойствъ или отличительныхъ качествъ человѣка значить, сохраняя его оригинальность, дать ему правильное развитіе до его возможныхъ предѣловъ и облагородить форму его выраженія; естественная цѣль такого образованія — дать прирожденному качеству возможность наиболѣе совершеннаго и продуктивнаго творчества. Понятно, что при этомъ недостаточно ознакомленіе съ одними теоріями примѣненія такой способности, она должна упражняться по уже выработаннымъ приемамъ, наиболѣе совершенными и требующимъ наименьшей затраты продуктивнаго труда методами. Нельзя быть піанистомъ, зная лишь теорію музыки и не прикасаясь къ фортепіано.

Цѣль образованія ума, или образованія вообще—дать намъ возможность правильно ориентироваться среди окружающихъ насъ явленій. Ясно, что извѣстный кругъ *общихъ* знаній для такой ориентировки безусловно необходимъ.

Необходимо имѣть ясное представленіе объ окружающихъ насъ явленіяхъ въ мірѣ физическомъ, въ жизни общественной и стоять на уровнѣ современнаго развитія міра человѣческихъ идей,

Но одной суммы такихъ знаній, какъ бы обширна она ни была, еще недостаточно. Важно безусловно не только количество знаній, но и качество ихъ, сознательное къ нимъ отношеніе, разумѣніе ихъ, развитіе способности самостоятельнаго сужденія, умѣніе самому найти мѣсто каждому факту въ ряду прочихъ, привычка къ правильному, логически стройному критическому сужденію.

Одинъ ученый психологъ началъ свою статью о логикѣ замѣчаніемъ, что логика для

умныхъ не нужна, а для глупыхъ бесполезна. Въ извѣстномъ смыслѣ эта мысль совершенно правильна — одно теоретическое знакомство съ логикой не даетъ намъ способности правильного сужденія, какъ знаніе устройства музыкальнаго инструмента не сдѣлаетъ насъ музыкантомъ.

Только правильно-критическое сужденіе, дисциплина ума, сообщаютъ извѣстному кругу знаній ихъ настоящую цѣну и вырабатываютъ въ человѣкѣ его личное *научно-критическое міровоззрѣніе*, т. е. то, что мы только и можемъ называть истиннымъ образованіемъ.

Человѣческое міровоззрѣніе состоитъ изъ трехъ слагаемыхъ — знанія, убѣжденія и вѣры.

Степень преобладанія того или иного изъ этихъ трехъ факторовъ даетъ міровоззрѣнію болѣйшій или меньшій интересъ, болѣшую или меньшую объективную цѣну.

Знаніе есть точное адекватное представленіе факта въ насъ; представленіе должно выдержать рядъ опытовъ, провѣрокъ, доказательствъ всѣхъ намъ доступныхъ видовъ чтобы пріобрѣсть патентъ знанія научнаго. Знаніе обладаетъ характеромъ объективности, всеобщности, безусловности. Научное міровоззрѣніе требуетъ запроса къ каждому представленію о степени его достовѣрности, и по степени такой достовѣрности оно группируетъ факты, какъ опытный архиваріусъ, на разряды дѣлъ рѣшенныхъ, дѣлъ еще находящихся въ производствѣ, съ болѣе или менѣе вѣроятнымъ предсказаніемъ ихъ рѣшенія, и дѣлъ только начатыхъ, слѣдствіе по которымъ еще ведется. Свое заключеніе научное міровоззрѣніе дѣлаетъ только по дѣламъ перваго разряда.

Благодаря сравнительной молодости науки, ограниченному числу вполне научныхъ дѣятелей,

ограниченности нашихъ средствъ познанія, число такихъ нерѣшенныхъ дѣлъ безмѣрно еще превышаетъ количество дѣлъ рѣшенныхъ. На безконечные запросы человѣческой пытливости наука даетъ категорическіе отвѣты только въ очень незначительныхъ размѣрахъ, въ отношеніи цѣлаго ряда запросовъ ограничиваясь болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями, и открыто сознается въ невозможности пока отвѣтить удовлетворительно на третьи.

А между тѣмъ потребность составить себѣ сужденія о всей массѣ представленій, входящихъ въ наше сознаніе, объединить всѣ сужденія въ одномъ цѣльномъ міровоззрѣніи, настолько императивна въ человѣкѣ, что онъ не можетъ ограничиться такими скудными и условными отвѣтами и пытается помимо науки найти ихъ рѣшеніе въ другихъ инстанціяхъ: и такими инстанціями являются *убѣжденіе* и *вѣра*.

Убѣжденіе—рядъ представленій очень сложнаго происхожденія. Эти представленія создаются подъ совокупнымъ вліяніемъ личнаго предрасположенія, среды, разнообразныхъ условій развитія и жизни каждой отдѣльной личности. Главная отличительная черта убѣжденія — его субъективность — въ этомъ его отличие отъ знанія; но убѣжденіе претендуетъ всегда на извѣстную степень доказательности—и въ этомъ его отличие отъ вѣры. Убѣжденія касаются такого ряда вопросовъ, на которые осторожная наука, принимающая положеніе только провѣренное всѣми возможными для человѣческаго ума доказательствами, не рѣшается дать категорическаго отвѣта. Убѣжденіе довольствуется извѣстной группой доказательствъ, недостаточныхъ для науки.

Единственный агентъ представленій, входящихъ

въ кругъ *знаній* — умъ. Въ образованіи убѣжденій преобладающая роль принадлежитъ чувству.

Убѣжденія касаются главнымъ образомъ вопросовъ, опредѣляющихъ активную роль человѣка, какъ члена общества — вопросовъ политическихъ, социальныхъ, этическихъ. Истинно-научныя положенія незыблемы, какъ законы природы; убѣжденія, какъ недостаточно обоснованныя доказательства, въ зависимости отъ цѣлаго ряда агентовъ, измѣняющихъ иногда свой характеръ въ теченіи жизни отдѣльнаго лица, не имѣютъ характера абсолютной устойчивости. Новая среда, гипнотизирующая сила чужаго воздѣйствія, расширеніе умственного кругозора — способны видоизмѣнить убѣжденія, на первый взглядъ очень прочныя и стойкія.

Въ пьесѣ одного современнаго автора лицо, играющее роль хора древнихъ трагедій, на вопросъ, есть ли Богъ, отвѣчаетъ: если вѣришь, есть, коли не вѣришь, нѣтъ, то, во что вѣришь, есть.

Вѣра отличается отъ знанія и убѣжденій — абсолютной субъективностью и совершеннымъ отсутствіемъ доказательности. Вѣрятъ не въ силу доказательствъ, а вопреки имъ. Если вѣру нужно поддерживать доказательствами — это признакъ, что она уже поколебалась, или исчезла, и человѣкъ, чтобы ее спасти, безнадежно хватается за доказательство съ тѣмъ же исходомъ, что утопающій за соломинку.

Идеаль нашего міровоззрѣнія — общее для всѣхъ міровоззрѣніе научное; но такая общность міровоззрѣнія вопросъ далекаго будущаго.

Оглядываясь на прошлое, мы съ отрадой замѣчаемъ, какъ подъ вліяніемъ прогресса, въ которомъ принимаютъ постепенно участіе все большія

и большія группы людей, количество спорныхъ вопросовъ, раздѣлявшихъ и еще раздѣляющихъ человѣчество на враждебныя партіи, постепенно уменьшается и цѣли человѣческихъ стремленій все болѣе объединяются — и причина подобнаго явленія первѣйшей важности въ нашей жизни — развитіе науки, увеличеніе рядовъ ея адептовъ, развитіе самостоятельнаго правильно-критическаго, общаго въ своихъ основаніяхъ всѣмъ — сужденія.

Подъ влияніемъ развитія науки, все большее и большее количество представлений, входящихъ въ кругъ убѣжденій, отходитъ изъ нихъ въ область знаній, а съ другой стороны привычка къ критическому сужденію вносить въ убѣжденія агентъ сознательности — убѣжденія слагаются болѣе самостоятельно и на болѣе прочномъ фундаментѣ — доказательности.

Наконецъ привычка къ критическому сужденію и сложный длинный и тернистый путь развитія человѣческихъ идей приводитъ насъ неотразимо къ *терпимости*; вспоминая исторію нашихъ заблужденій въ прошломъ и признавая значительную долю субъективности за убѣжденіями, мы приучаемся терпимо относиться къ чужому мнѣнію — къ своимъ убѣжденіямъ мы будемъ склоны не огнемъ и мечемъ, а идейной силой доказательствъ. Человѣкъ цѣнитъ и бережетъ только то, что приобрѣлъ упорнымъ личнымъ трудомъ, а не выигралъ въ лоттерей или получилъ какъ неожиданное наслѣдство; и въ мірѣ идей цѣнно и устойчиво въ отдѣльномъ человѣкѣ только то, что онъ приобрѣлъ самостоятельной созидательной работой.

Изъ всего сказаннаго вы видите въ чемъ сущность образованія, и въ чемъ наша роль въ отношеніи васъ — истинное образованіе есть на-

учно-критическое міросозерцаніе; наша задача — помочь первымъ шагамъ вашей самостоятельной созидательной работѣ въ приобрѣтеніи такого міросозерцанія путемъ выработки вашего научно-критическаго сужденія.

Способы критической оцѣнки фактовъ и созданія изъ нихъ научныхъ положеній—общіе для всехъ наукъ, но каждая наука имѣетъ и свои спеціальныя техническія приемы изслѣдованія. То, что мы называемъ хорошей строгой научной школой, состоитъ такимъ образомъ въ выработкѣ самостоятельнымъ путемъ строго научнаго логически-правильнаго сужденія и овладѣнія легчайшими и наиболѣе цѣлесообразными приемами спеціально-научнаго для каждой изъ вѣтвей науки изслѣдованія.

Каждая наука имѣетъ свой матеріалъ и свой уголъ зрѣнія; умѣнье выдѣлить этотъ матеріалъ изъ массы разнородныхъ явленій и приготовить изъ него научный препаратъ и составляетъ первую задачу спеціальныхъ техническихъ приемовъ данной науки, и поэтому всякій, посвящающій свою дѣятельность опредѣленной спеціальности, долженъ кромѣ общей дисциплины ума приобрѣсть и умѣнье стать на этотъ спеціальныи уголъ зрѣнія.

Я не могу не коснуться здѣсь стараго вопроса объ отличительныхъ свойствахъ ума мужскаго и женскаго. Вопросъ объ этомъ качественномъ различіи, помимо ряда соціальныхъ условій, былъ всегда тяжелымъ тормазомъ въ дѣлѣ предоставленія женщинѣ права на высшее образованіе. Едвали нужно теперь доказывать, что схемы умственнаго аппарата мужчины и женщины въ общемъ тождественны. Но все же и въ сферѣ воспріятія, и въ области умозаключеній, умъ женскій нѣсколько отличается отъ ума мужскаго.

Женскій характеръ отличается отъ мужскаго бѣльшей впечатлительностью, нервностью, суетливостью, быстрой смѣной противоположныхъ настроеній, слабой способностью къ сосредоточенію мысли, а вслѣдствіе этого логическими скачками, поспѣшностью въ умозаключеніяхъ, привязанностью къ факту, какъ таковому, бѣльшей конкретностью представленій, а въ силу этого и слабой способностью къ обобщеніямъ и умѣнью создавать отвлеченныя представленія. Въ основѣ всѣхъ этихъ пробѣловъ въ схемѣ умственного аппарата лежитъ преобладающая роль чувства, проникающаго всѣ сферы дѣятельности женщины. Оттого то у женщины мы замѣчаемъ съ одной стороны бѣльшее, чѣмъ у мужчины преклоненіе передъ авторитетами, съ другой — неустойчивость воззрѣній. Женщина скорѣе и легче нежели мужчина проникается тѣми или иными убѣжденіями и принимаетъ ихъ не въ силу ихъ бѣльшей или меньшей доказательности — а подѣ давленіемъ, чужаго авторитета, въ силу личныхъ симпатій — чувство, а не умъ, главный агентъ ея убѣжденій. Оттого то женскій умъ труднѣе подчиняется строго логической дисциплинѣ, и женщина съ бѣльшими, чѣмъ мужчина усилиями приходитъ къ созданію цѣльнаго міровоззрѣнія.

Чувство, какъ прирожденное свойство, не можетъ конечно, выпасть изъ природы человѣка, но ему должна быть отведена подобающая сфера дѣятельности, и оно не должно вторгаться въ чуждыя ему области. Если не однимъ умомъ, но и чувствомъ должны регулироваться наши отношенія къ людямъ, то чувство не причеиъ въ созданіи математическихъ формулъ.

Поэтому вамъ предстоитъ трудъ большой, тяжелый и утомительный трудъ, не одного усвое-

нія, но и внутренней работы надъ самимъ собой, реформы способностей усвоенія и концепціи. Я не хочу этимъ сказать, что женщина должна стремиться походить на мужчину, утратить свое *ewig weibliche*, сгладить всё свои специфическія внутреннія отличія отъ мужчины — это и невозможно, и нежелательно. Если въ спеціальныя сферы, отведенныя ей, женщина съумѣла внести свое, оригинальное и культурно-цѣнное, то несомнѣнно можно надѣяться, что и въ тѣ области, куда она вступаетъ впервые, робко, неувѣренно, съ понятнымъ трепетомъ и жутко-сладкимъ чувствомъ новичка, она въ будущемъ внесетъ свое, новое, оригинальное и цѣнное. Строгая школа, не лишая женскій умъ его оригинальности, упорядочить его внутреннее содержаніе и поможетъ вамъ отдѣлать въ немъ плевелы отъ пшеницы.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о нашихъ будущихъ совмѣстныхъ работахъ.

Не ждите отъ насъ ни широкихъ обобщеній, ни громкихъ, красивыхъ фразъ. Для первыхъ еще не пришло время, послѣднія недостойны той каѳедры, съ которой мы обращаемся къ вамъ, и обидны для васъ. Фраза или пуста, лишена содержанія, или бьетъ по нервамъ, а потому представляетъ особый родъ нравственнаго насилія. Мы обращаемся не къ вашимъ нервамъ, а къ вашему уму, и наша первая и важнѣйшая задача — его культивировать и облагородить. Наука, признающая единство всего существующаго, однимъ этимъ великимъ положеніемъ, безъ громкихъ фразъ, воспитываетъ наше чувство гуманности и состраданія ко всему живущему.

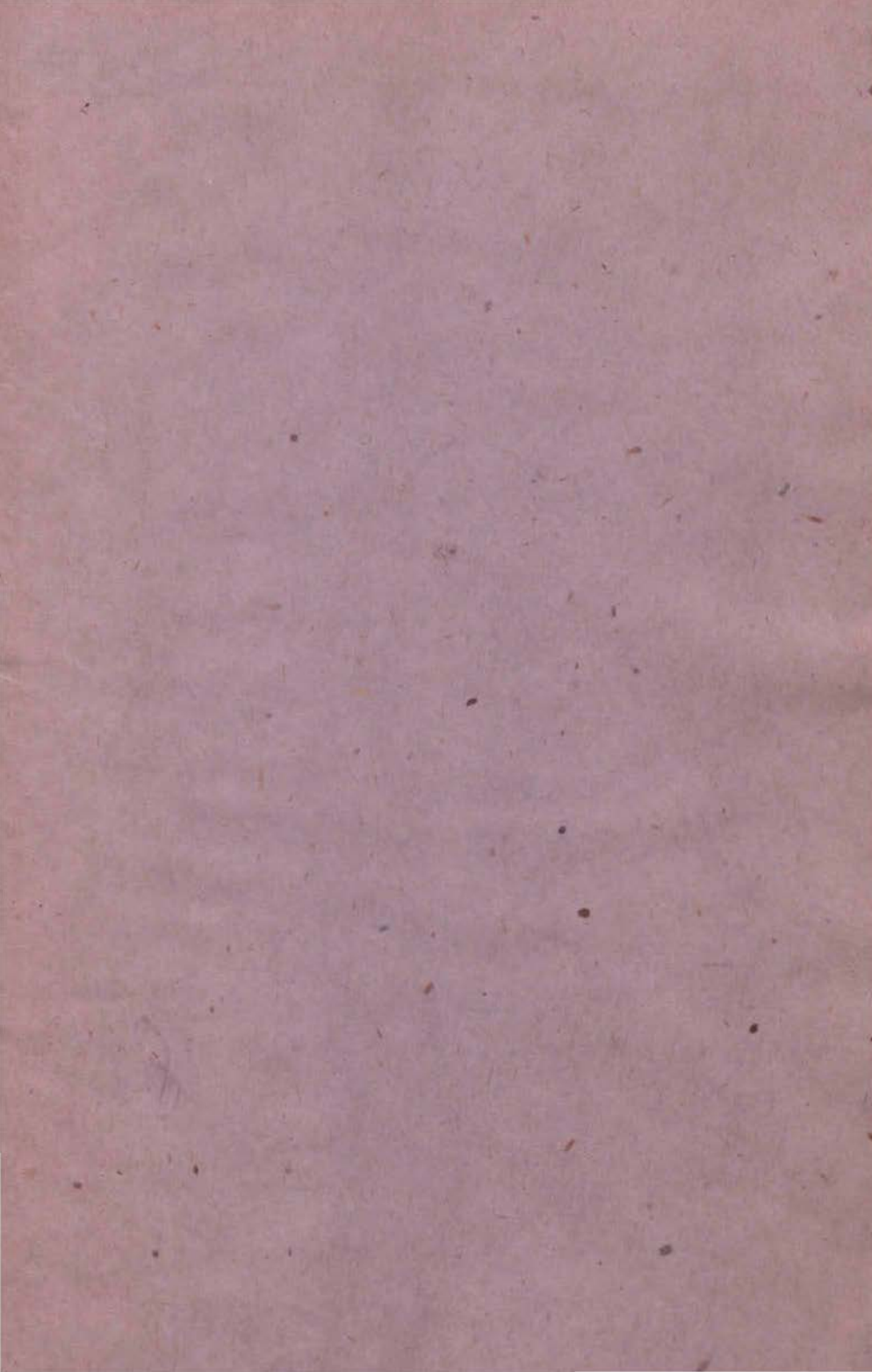
Несомнѣнно, что то жутко-сладкое чувство, съ которымъ вы вошли въ эти стѣны, скоро перейдетъ въ болѣе спокойное настроеніе или смѣ-

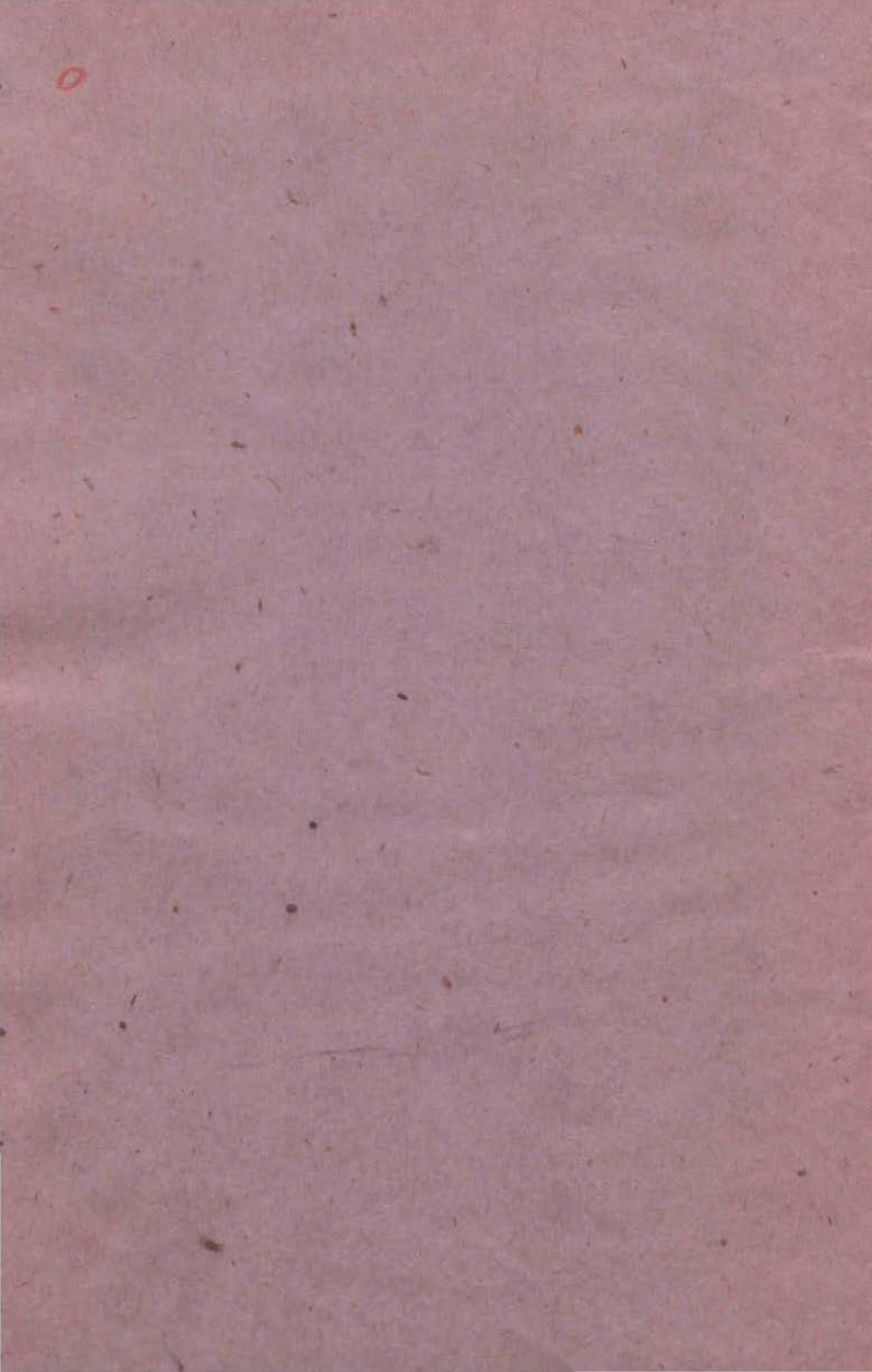
нится разочарованіемъ. Наука требуетъ большаго напряженія и труда; вамъ недостаточно дать въ легкой и доступной формѣ результаты длиннаго ряда научныхъ изслѣдованій, вы должны сами оглянуться на старый научный путь и пройти хоть часть его—а это путь тяжелый, утомительный и нерѣдко однообразный — и быть можетъ онъ скоро покажется вамъ скучнымъ. Научный адентъ только послѣ долгаго научнаго искуса начинается находить въ своихъ занятіяхъ не только особенный ни съ какимъ инымъ несравнимый вкусъ, но и высокое наслажденіе — когда окончится его періодъ усвоенія, и передъ нимъ откроется путь самостоятельнаго научнаго творчества. Не всѣ изъ васъ, быть можетъ, пройдутъ научный путь до этого желаннаго момента; многіе ослабѣютъ, притомятся на срединѣ пути и останутся отъ болѣе бодрыхъ товарищей.

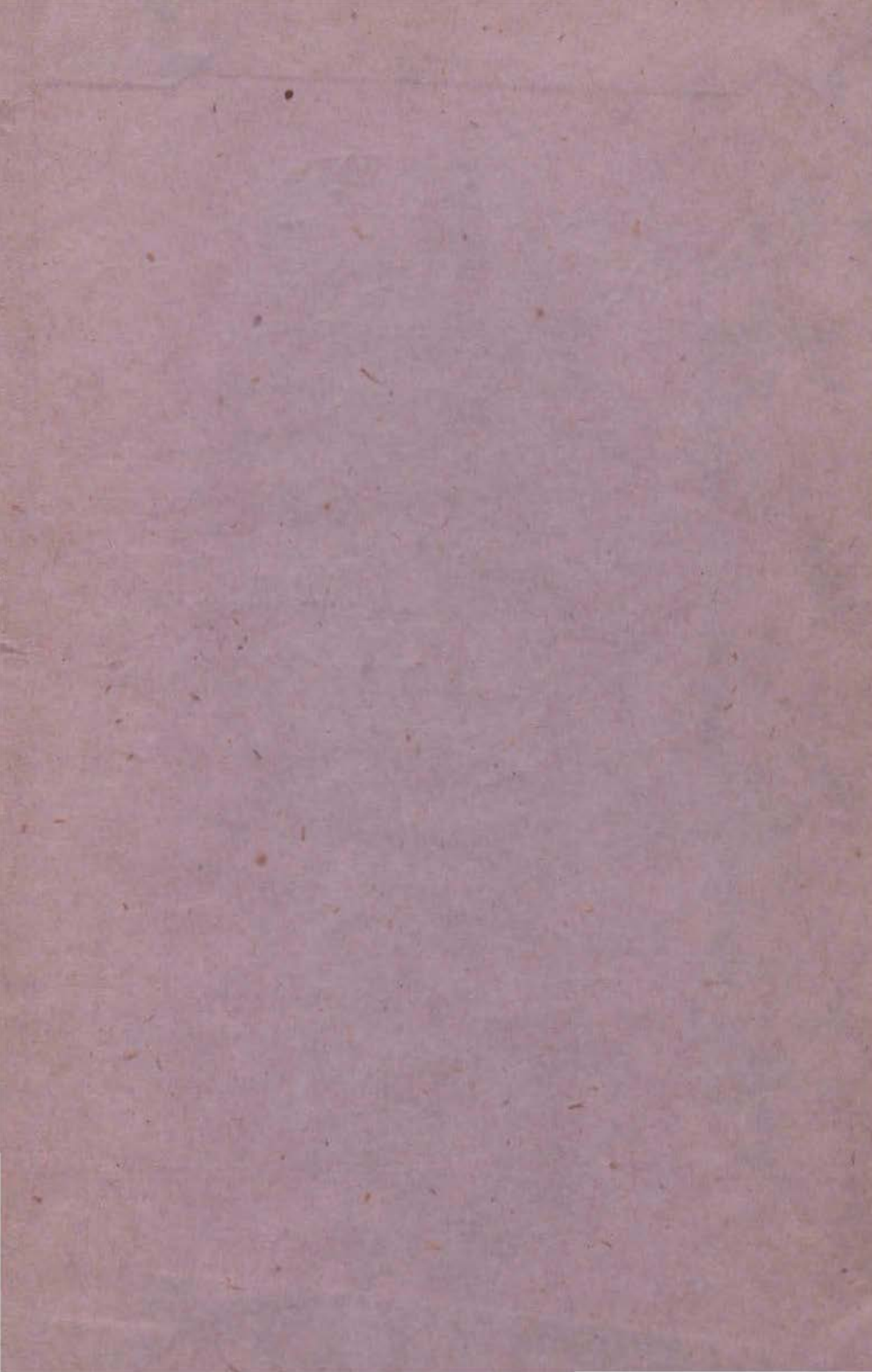
Войнолюбивый Германецъ среди обыденныхъ буржуазныхъ занятій, оглядываясь на свое прошлое, съ гордостью вспоминаетъ: *ich war Soldat gewesen*. Мירוлюбивый славянинъ цѣнитъ только борьбу идей и признаетъ однихъ воиновъ — рыцарей духа; и наше нравственное чувство будетъ вполне удовлетворено, когда, спустя много лѣтъ, на одномъ изъ юбилеевъ женскаго высшаго образованія на Руси, каждая изъ васъ съ гордостью и отраднымъ чувствомъ скажетъ: и я была на курсахъ.

18

2007097319